

**ЗАМЕТКИ О V РОССИЙСКОМ
ФИЛОСОФСКОМ КОНГРЕССЕ
(Новосибирск 25-28 августа 2009 г.)**

Н.С. Розов

*Институт философии и права
Сибирского отделения РАН,*

Новосибирский государственный университет

Регулярные национальные конгрессы – важная часть жизни и деятельности интеллектуальных сообществ, в том числе, философского. Поэтому цели таких мероприятий не эпохальные, а обычные, даже рутинные – поддержание коммуникации, установление новых профессиональных связей, обмен идеями и результатами и т.д.

Как правило, темы таких конгрессов задаются широко и достаточно формально, поскольку есть огромное разнообразие философских направлений и дисциплин, всем нужно дать место. Основная заявленная тема в Новосибирске – взаимосвязь науки, философии и общества. Об этом говорилось на пленарных заседаниях, на некоторых секциях.

Иногда говорят, что большие конгрессы не имеют никакого отношения к истинному творчеству. Такой взгляд популярен и неверен. Собственно философские проблемы решаются в процессе философского творчества (за письменным столом, компьютером, во время прогулок, долгих обсуждений с коллегами и учениками, а иногда и во сне). Зато стимулом для такого творчества часто является личное общение, столкновение с непривычными взглядами. См. об этом переведенную мной (совместно с Ю.В.Вертегейм) книгу Рэндалла Коллинза «Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения» (Новосибирск, 2002). <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/collins.htm>.

Нередко указывают на «низкий КПД» больших философских форумов. Вряд ли можно и нужно вычислять общий КПД как «среднюю температуру по больнице». У кого-то он больше (нашел коллег, познакомился с новыми взглядами на свою проблему, узнал о ранее неизвестных идеях, авторах, книгах и т.д.), у кого-то – меньше (приехал, отчитал, послушал – никого и ничего нового). Этот КПД для каждого участника, таким образом, зависит и от общей организации собрания, и от уровня участников, и от случайности (кто-то смог

приехать, а кто-то нет, встретились с интересными коллегами – не встретились), и от активности, настроя самого человека.

Новосибирский форум — это лишь первый российский конгресс, в котором я участвовал, хотя на международных побывал два раза – в Стамбуле и Сеуле. По отзывам знаю, что участников на прошлом IV Российском философском конгрессе в Москве было больше, а организация – хуже. Я организовывал и вел секцию «Философия истории», участвовал в обсуждении моей статьи «Социологическая отмена философии – вызов, заслуживающий размышления и ответа» (Вопр.филос. 2008, №3 <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/otmena.htm>), на общем итоговом заседании рассказал о своем видении «Семи смеШных философских грехов» (собираюсь написать про это).

Попробую сравнить российский конгресс со Всемирными философскими конгрессами. Есть много схожего, прежде всего, по множественности направлений, интересов, огромному числу людей из разных мест и традиций. Дополнительная трудность на международных конгрессах – языковой барьер, причем, для нас он, увы, более высок, чем для философов большинства других стран, где английский преподают и изучают гораздо лучше.

К тому же, на международных философских конгрессах все же не бывает такого большого числа откровенно слабых, невежественных участников, как это бывает у нас. Разумеется, чувствовался провинциализм многих участников. Кстати, первый смеШной философский грех я так и определил – «невежественная доморощенность». Это отнюдь не означает отсутствия грамотных и ярких фигур из провинции, но последние, увы, в меньшинстве.

Основная линия конфликта пролегла между новосибирскими, томскими адептами аналитической философии и большинством приехавших философов (преимущественно из других провинций), больше ориентированных на соборность-духовность. О последнем «направлении» я умолчу, а к аналитической философии у меня отношение двойственное. Всемерно поддерживаю установку на точное словоупотребление, ясность и логичность утверждений, однако, надежды аналитических философов на обнаружение каких-то «истин» относительно онтологии, познания, мышления, культуры, истории и т.д. через анализ языковых выражений, дискурса считаю совершенно безосновательными и безнадёжными.

Секцию «Философия истории» я организовал как серию панельных заседаний, для каждого из которых заранее были определены тема, ведущий, диспутант, и 4-5 докладов, причем диспутант в своем заключительном обобщающем выступлении опирался на полные тексты докладов, с которыми предварительно ознакомился. Такова давно установившаяся практика на международных научных конференциях, и я твердо убежден, что ее надо распространять и для наших философских конгрессов.

Не все получилось, как было задумано, прежде всего, поскольку некоторые значимые участники не сумели приехать (проф. И.А.Гобозов, проф. Л.Е.Гри-

нин, проф. А.П.Назаретян), однако, в целом, все участники и я в их числе оценили опыт как положительный. Выражаю отдельную благодарность проф. А.И.Липкину за содержательный доклад, участие в качестве диспутанта и за предварительное вывешивание всех тезисов докладов по философии истории на своем сайте: <http://civilizations.rsuh.ru/congr/index.htm>. Также хочу отметить доклад проф. Т.В.Панфиловой, которая, говоря о такой сложной и рискованной теме, как «смысл истории», продемонстрировала ясную и взвешенную логику, внятную цепочку рассуждений. Порадовали некоторые молодые участники, например, Николай Проценко из Ростова-на-Дону, показавший хорошее знакомство с литературой по своему вопросу, способность мыслить и говорить ясно и четко (вне зависимости от того, насколько я согласен со всеми упомянутыми участниками).

Иногда спрашивают, как отвечают философы на глобальные вызовы современности. Большинство никак не отвечают, поскольку заняты своими вопросами (от изучения античной философии до философии сознания или виртуалистики). Некоторые известные фигуры, такие как Хабермас, пытаются отвечать, но без особого успеха и резонанса. У меня есть статья о глобальном экономическом кризисе и его вероятных последствиях для России (Полис, 2009, №3, <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/glob-crisis2.htm>), но здесь я выступил, скорее, не с философских, а с исторических, макросоциологических и политологических позиций.

Следует отметить, что роль философа в современном обществе мизерна, причем, не только у нас, но и в других странах. Последними крупными публичными фигурами были К.Поппер и Ж.-П.Сартр – это 1960-е годы. Сейчас продолжается кризис философии, глубокий спад и творчества и общественной значимости. Об этом довольно подробно сказано в моей книге «Философия и теория истории» (М., 2002) <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/fti/fti7-1.htm>.

Не заметно особых усилий власти по привлечению внимания к «публичной философии». «Русский журнал» в Интернете, организованный г-ном Павловским, следует трактовать как попытку откровенного манипулирования сознанием, попытку навязать российской интеллигенции лояльность к власти, в том числе через имитацию «философствования». В этом контексте слово «публичный» заставляет вспомнить иные его коннотации, связанные с обиталищем представительниц древнейшей профессии.

Насколько мне известно, руководство Российского философского общества (РФО) весьма заинтересовано и ответственно участвует в подготовке всех конгрессов. Организация философской жизни в стране не централизована, каждое региональное отделение работает (или не работает), как может — и это совершенно правильно. Если начнутся попытки централизованного управления, например, навязывания взглядов, идеологии философам со стороны каких-либо властных структур или партий, то уважающие себя философы будут сопротивляться, либо просто покинут общество. Крайне важным является издание

«Вестника РФО», причем дело здесь не в качестве публикаций, а в оперативном отражении происходящего в российской философии. А из сосуда, как известно, можно налить только то, что в нем уже есть...

РФО – это обычная весьма обширная и рыхлая профессиональная ассоциация. Внутри небольшого аппарата, разумеется, есть интриги и борьба, а как без этого? То, что аппарат пришел к согласию и навязывает единую позицию остальным членам общества, которые ее тут же принимают – следствие рыхлости и пассивности большинства. То, что выборы безальтернативные и единогласные, я считаю весьма порочной, исконно советской практикой.

Насколько «производителен» философский труд? Философы, как и ученые, политики, религиозные деятели ни в России, ни где-либо еще, не производят товаров (кроме книг, разве что). Если же расширить понимание «производства» на сферу символических продуктов (идей, концепций, методов) и на сферу развития человеческих качеств (широта и критичность мышления подрастающих поколений, способность обсуждать основания действий и суждений), то философы оказываются вполне производящим сообществом. Качество производимых продуктов и их востребованность — отдельные вопросы. В России планка качества результатов философствования драматическим образом упала вместе с отплытием двух рейсов «философского парохода» в 1922 г. и тех пор, несмотря на редкие всплески талантливых одиночек, так и не восстановилась.

О причинах стагнации интеллектуального сообщества в России (как философского, так и социально-гуманитарного), см. статью, в которой я использую идеи Р.Коллинза, «(Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации» (Прогнозис, 2007, №3. www.nsu.ru/filf/rozov/publ/nonthinking.htm).